

IV. Война в судьбах славянских народов

П.А. Искендеров

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Балканские корни Первой мировой войны: правда и вымысел*

Abstract:

Iskenderov P.A. *Balkan roots of World War I: truth and fiction.*

The article is devoted to a critical analysis of modern concepts of the Balkan roots of World War I from the point of view of their plausibility to the situation in the Balkans in 1913 and 1914. Special attention is paid to the state of affairs within the so called St. Petersburg–Vienna–Belgrade triangular and Russia’s role in the settling of the Serbian-Albanian contradictions. The author comes to the conclusion that accusations posed against Serbia of her responsibility for the outbreak of World War I were groundless.

Ключевые слова: Европа, Балканы, Первая мировая война, Сербия, Россия, Албания, межнациональные отношения, геополитика.

Трудно не заметить происходящий в последнее время в западноевропейской и отчасти балканской историографии процесс «переосмысления» проблемы истоков Первой мировой войны в совершенно определенном смысле. В духе известных антисербских и антиславянских концепций делается попытка объявить (вопреки положениям Версальского мирного договора) Сербию и стоявшую за ее спиной Россию главными виновниками общеевропейского военного конфликта, раздуть сербо-австрийские противоречия до уровня глобального геополитического узла, увести в тень собственные планы Берлина, Вены, Лондона, Парижа и других мировых игроков по переделу сфер влияния в мире, реформатированию колоний, захвату источников сырья, установлению контроля над транспортными путями. Понятно также, что признание решающей роли Тройственного союза за развязывание Первой мировой войны перекидывает невыгодные Западу аналогии с сего-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (Грант РГНФ № 14-01-00264 «Историческая типология межнациональных конфликтов на примере Балкан»).

дняшними попытками США, НАТО и других стран и структур перекроить мировую карту в выгодном им смысле. Отсюда и беспрецедентный накал дискуссий по событиям столетней давности – тем более, что сам юбилей предоставляет подобным дискуссиям соответствующую трибуну.

Наиболее заметно данная тенденция прослеживается в Германии. Следует напомнить, что с 1960-х годов в этой стране, в сфере исследований мировой политики, существует признанная «школа Фишера», названная так по имени одного из крупнейших германских историков, профессора Университета Гамбурга Фрица Фишера. В своей хрестоматийной книге «Схватка за мировое господство» он убедительно доказал, что именно Германия толкнула человечество в Первую войну мировых масштабов, желая перераспределить соотношение сил в мире, захватить новые колонии и природные ресурсы. Фишер доказывает «глобальный аспект немецких притязаний стать мировой державой и добиться мирового положения»¹.

Действительно, вряд ли есть основания сомневаться, что «в борьбе кайзеровской Германии за мировую гегемонию ее колониальные цели накануне и во время Первой мировой войны играли очень видную роль»². Однако в последние два десятилетия в германской историографии наметилась четкая тенденция отказа от наследия «школы Фишера». Показательно, что никаких новых документов, позволяющих снять с Берлина ответственность за развязывание Первой мировой войны, найти так и не удалось. Зато активно используются более чем сомнительные исторические параллели с сегодняшним днем. Этим, к слову, грешат и американские, и британские историки. К примеру, британский ученый Крис Кларк в вышедшей в 2013 г. нашумевшей монографии под названием «Лунатики: Как Европа в 1914 году вступила в войну» в качестве аргумента в пользу пересмотра устоявшейся концепции исторических корней Первой мировой войны приводит трагические события в боснийском городе Сребреница летом 1995 г., в которых Запад сразу же обвинил местных сербов. По мнению Кларка, «после Сребреницы» о Сербии и сербах якобы нельзя писать, как раньше, необходимо пересмотреть всю сущность сербского национального движения на протяжении многих веков – разумеется, в обвинительном духе³.

Между тем, анализ развития ситуации в треугольнике Белград-Вена-Петербург осенью 1913 – весной 1914 гг. отнюдь не дает оснований определять их в качестве чуть ли не решающего фактора возникновения Первой мировой войны. Наоборот, к июню 1914 г. Сербия и Австро-Венгрия при активном посредничестве России смогли урегулировать или по крайней мере смягчить многие разногласия и противоречия. И хотя коренные расхождения в целях и задачах монархии Габсбургов и сербского национального движения никуда не делись, считать их главной причиной начала общеевропейской войны представляется необоснованным.

Напомним, что наибольшего накала эти отношения достигли осенью 1913 г., на пике очередного албанского кризиса. Тогда, в соответствии с постановлениями Лондонской конференции послов великих держав 1912–1913 гг., представители этих держав обратились к правительствам балканских государств с коллективной декларацией, в которой подчеркивалась необходимость принятия ими всех надлежащих мер к ограждению прав и интересов национальных меньшинств в присоединенных к ним новых областях. В том, что касается Сербии, дипломатические представители великих держав в Белграде сделали 17 августа 1913 г. официальные представления в вышеуказанном смысле, а также особо подчеркнули факт продолжавшегося нахождения сербских войск на албанской территории, вопреки соответствующим постановлениям Лондонской конференции. В ответ глава сербского правительства Никола Пашич в циркулярной ноте, направленной европейским правительствам, а также в личных объяснениях по этому вопросу с их дипломатами указал на беспочвенность подобных требований по отношению к его стране, так как Сербия уважает все положения Берлинского трактата 1878 г., касающиеся прав национальных меньшинств и вероисповедных групп⁴, а кроме того, в стране действует «одна из самых либеральных в мире» конституций, которая обеспечивает в полном объеме политические и иные права всех граждан несербской национальности, при условии соблюдения ими законов страны⁵.

Глава сербского правительства имел в виду, в первую очередь, две статьи Берлинского трактата. Статья XXIII гласила, что «Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите органический устав 1868 г., с изменениями, которые будут признаны справедливыми.

Подобные же уставы, примененные к местным потребностям, за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не было предусмотрено настоящим трактатом.

Разработка подробностей этих новых уставов будет поручена Блистательной Портой в каждой области особым комиссиям, в коих туземное население получит широкое участие.

Проекты организаций, которые будут результатом этих трудов, будут представлены на рассмотрение Блистательной Порты.

Прежде обнародования распоряжений, которыми они будут введены в действие, Блистательная Порта посоветуется с Европейской комиссией, назначенной для Восточной Румелии»⁶.

Статья XXXV уже напрямую относилась к сербским реалиям. В ней говорилось, что «в Сербии различие в религиозных верованиях и исповеданиях не может послужить поводом к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до

пользования правами гражданскими и политическими, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям или до отправления различных свободных занятий и ремесел, в какой бы то ни было местности.

Свобода и внешнее отправление всякого богослужения обеспечиваются как за всеми сербскими уроженцами, так и за иностранцами, и никакие стеснения не могут быть делаемы в иерархическом устройстве различных религиозных общин и в сношениях их с их духовными главами».⁷

Кроме того, Пашич заверил иностранных представителей, что сербские войска уже покинули Албанию, за исключением Орошской области, где продолжались антисербские выступления по причине, по его словам, отсутствия в этом районе организованной местной власти. Позднее, однако, глава кабинета сделал сообщение уже в существенно ином смысле, указав, что хотя главнокомандующий сербской армией уже отдал своим войскам категорическое распоряжение об их выводе с оккупированных албанских территорий, тем не менее, данная операция еще не завершена, так как ее осуществление требует определенного времени⁸.

Одновременно, как телеграфировал 17 августа 1913 г. из Белграда российский посланник Н.Г. Гартвиг, «сербское правительство обращает внимание на то, что по самым достоверным сведениям после недавнего посещения Вены Иссой Болегинацем (Иса Болегини – *П.И.*) и другими албанскими главарями, австрийские и итальянские агенты организуют албанские шайки в 30-40 человек, раздают им оружие и деньги. Шайки эти должны производить нападения на новую сербскую границу, вызвав волнения среди албанцев будто бы в доказательство недовольства их сербским режимом. При таких условиях, по мнению Пашича, отзывание последнего сербского отряда с пограничных мест послужит сигналом к возбуждению крайне опасных осложнений»⁹.

Неудивительно, что, ссылаясь на соображения государственной безопасности и охраны общественного порядка, сербское правительство не признало возможным сразу распространить действие конституции на присоединенные к Сербии территории (это было сделано лишь в конце 1913 г.) и постановило регулировать их устройство особым «Наказом об организации освобожденных областей», утвержденным королевским декретом от 31 августа 1913 г.

Согласно статье 82 данного документа, министр просвещения и церковных дел Сербии осуществлял надзор за деятельностью православной церкви в соответствии с принципами сербского законодательства и церковными канонами. Аналогичный надзор министр осуществлял и в отношении неправославных и нехристианских религиозных организаций, разрабатывая «предписания и инструкции, в целях обеспечения их устойчивого функ-

ционирования, в соответствии с основными принципами этих учреждений, а также с учетом государственных интересов»¹⁰.

Согласно статье 92, данное предписание должно было действовать до тех пор, пока сербская скупщина не присоединит предусмотренным законом путем освобожденные области к Сербскому королевству, что предполагалось осуществить на ее очередной сессии¹¹.

Подписали вышеуказанный документ король Сербии Петр, председатель Совета министров Н. Пашич, министр финансов Л. Пачу, министр внутренних дел С. Протич, министр строительства Й. Йованович (одновременно являвшийся заместителем министра народного хозяйства), министр просвещения и церковных дел Л. Йованович, министр юстиции М. Джуричич и военный министр генерал М. Божанович¹².

В ответ на сделанное 2 сентября 1913 г. представление великих держав об открытии для населения Албании свободного доступа в города Дряковица и Дебар и о выводе сербских войск со всей албанской территории, управляющий министерством иностранных дел М. Спалайкович первоначально дал вполне благоприятный ответ, заявив, что к допущению албанцев в указанные города сербское правительство не видит никаких препятствий – «при условии, конечно, соблюдения, согласно мнению совещания послов, местных таможенных и полицейских постановлений»¹³.

Однако несколько дней спустя, во время своей встречи с поверенным в делах России в Сербии В.Н. Штрандтманом Спалайкович сообщил, что глава сербского правительства Пашич неодобрительно встретил его заявление, ибо сам он намеревался сделать свое заявление по тому же вопросу в другом смысле, поставив положительный ответ Сербии на представление европейских стран в зависимость от действий самих албанцев; последних же он намеревался вынудить присоединиться к Сербии путем создания препятствий к переходу ими границы¹⁴.

Еще более колебаний и непоследовательности было проявлено правительством в вопросе о выводе из Северной Албании оставшихся там сербских войск. На неоднократные благожелательные указания со стороны России сербское руководство отвечало уклончиво, оправдывая свои действия постоянными грабежами и другими насильственными акциями со стороны самих албанцев, подстрекаемых Австро-Венгрией, и невозможностью обеспечить полноценную защиту сербской территории вследствие включения в состав Албании на Лондонской конференции важных стратегических пунктов, защищающих горные проходы, ведущие в Сербию. Высказывавшиеся в ответ представителями России доводы о желательности, в интересах самой Сербии, избегать обострения отношений с Австро-Венгрией, встречали со стороны сербских официальных лиц указания на отсутствие в Сербии всякого страха перед соседней монархией, а в ответ на напоминание о том, что зимой 1912 г. та не начала военные действия против

Сербии в первую очередь благодаря позиции, занятой Россией, Спалайкович упорно утверждал, что и ныне Австро-Венгрия не предпримет никаких решительных действий, «упустив слишком много удобных случаев причинить серьезный вред Сербии во время Балканского кризиса»¹⁵.

Ситуация в соседней Албании действительно не могла внушать оптимизма сербскому правительству. Ведь албанские лидеры также не сидели сложа руки. Они решили не дожидаться начала работы разграничительных комиссий и уже в августе снарядили депутацию в Италию и Австро-Венгрию. Как сообщал в Санкт-Петербург 26 августа 1913 г. российский представитель в итальянской столице Крупенский, «в Рим приехала на днях албанская депутация в составе албанского министра Муфид-бея и некоторых других правительственных лиц. Эти господа были приняты в Консульте парламентским товарищем министра иностранных дел, князем ди Скалеа, и были также у министра иностранных дел в Валломброза.

По сообщенным мне сведениям, албанцы благодарили итальянское правительство за его поддержку в вопросе о южной границе Албании и настаивали на необходимости, чтобы долина Аргирокастро (Гирокастра – *П.И.*) и разные другие спорные местности были присуждены Албании». Характерно, однако, то, что, оказав, по словам Крупенского, албанской депутации «предупредительный» прием, «обещаниями итальянского правительство себя не связало»¹⁶.

Дипломатические усилия албанские лидеры пытались подкрепить вооруженными акциями. В течение всего августа по наущению австро-венгерских агентов и на венские деньги албанские отряды осуществляли нападения на передовые сербские части – в первую очередь, в районе Дебара. Целью являлось создать у великих держав впечатление о широком недовольстве албанцев намеченной на Лондонском совещании послов великих держав сербо-албанской пограничной линией и побудить их пересмотреть принятые решения по разграничению¹⁷.

Красноречивые данные содержались в российской дипломатической переписке. Так, 3 октября 1913 г. российский дипломатический представитель в Афинах С. Урусов направил в Санкт-Петербург примечательную подборку документов. Как отмечалось в сопроводительном донесении, речь шла о выдержках «из очередных донесений вице-консула нашего в Авлоне (Влера – *П.И.*), свидетельствующих об усилившемся расколе среди албанского правительства и об анархическом состоянии в создаваемом албанском государстве»¹⁸. Вот эти красноречивые выдержки (даты указаны по старому стилю):

«15 августа. – Христианское деревенское население подвергается постоянному нападению банд, отбирающих у них скот. Христиане, не имея ни малейшего доверия к албанским властям, воздерживаются от принесения

каких-либо официальных жалоб, зная, что они не будут приняты во внимание. Временное правительство привлекло к полицейской службе самых завязтых разбойников, как например Хусни Тоска и Сали Мурат. Последний терроризировал христианское население в прошлом году и теперь, занимая важную должность в жандармерии, не изменил к ним своего отношения.

28 августа. – Прибыл член Английской Палаты Герберт, близкий друг Измаила Кемаля¹⁹. В сопровождении конвоя он отправляется в Берат, Эльбассан, Тирану и Дураццо.

Корреспондент «Трибуны», только что прибывший из Дураццо, сообщил мне, что там, так же, как и в прочих городах Санджака, положение невозможное. Католики-малиссоры против воли и советов священников намереваются отправиться в Дураццо для свержения властей и учреждения демократического правительства, отказываясь признавать также и Авлонское правительство²⁰.

Эссад Паша²¹ в большой нерешительности. Весьма противоречивы сведения о его намерениях в ближайшем будущем и о характере его отношений с австрийским правительством, поддерживающим временное Авлонское правительство. Эссад Паша телеграфировал президенту, укоряя его в несоблюдении программы и условий соглашения, вследствие чего он более не признает Авлонского правительства; ходят слухи, что вокруг Эссада формируется новое правительство, во главе которого он станет, перенеся центр управления в Дураццо. Телеграфное сообщение между последним и Авлоной прекращено. В день Байрама Эссад телеграфировал, будто бы, султану, поздравляя его и подписавшись "Ваш преданный генерал". Телеграмма эта была перехвачена Измаилом Кемалем и не дошла до назначения. Это и послужило причиной размолвки между ними.

Эссад наложил запрещение на все таможенные доходы и налоги в Дураццо. Он в стачке с католическим епископом и старается склонить к себе православных митрополитов, обещая им неприкосновенность духовных прерогатив. Влияние его в санджаке большое и распространяется до Фиери, где его семья в свойстве с Триони. Его влияние в Авлоне также ощутительно. В Берате положение неопределенное и там, по-видимому, преобладает пока влияние Азис Паши (здесь и далее приводятся имена политических и военных албанских лидеров рассматриваемого периода – П.И.).

В Авлоне положение, в административном отношении, на вид спокойно, в политическом – наоборот, полное неопределенности и граничащее с полной анархией.

Муффит бей еще не вернулся и склонен, будто бы примкнуть к Эссаду. Оба находятся под влиянием Сурея бея, находящегося в Европе.

Измаил Кемаль бей чувствует, что почва уходит из-под ног и все же всеми силами старается удержаться. Он скрытен, но теряя временами самообладание, выдает себя неуместными выходками.

12 сентября. – Эссад Паша не выполнил своих намерений, как говорят вследствие телеграммы адмирала Берней²² – известие это мало правдоподобно. В той же телеграмме адмирал взваливает всю вину за избиение христиан на Эссада, избиение, имевшее место в Грубове, в Бератском санджаке. Подобная телеграмма была будто бы адресована адмиралом президенту Измаилу Кемалю. Эссад Паша телеграфировал президенту, что он настаивает на реорганизации кабинета и на перенесении столицы. Комиссия, в составе министров Муффит Бея, С.Покас и Азиз Паша Вриони, отправилась к Эссаду, чтобы с ним сговориться и убедить отказаться от своих замыслов. Президент противился посылке комиссии, ввиду ее официального характера. Он придает большое значение положению, которое займет Берат; боятся, как бы Эссад не вошел в этот город.

Местная печать нападает на Эссада. Оппозиция, так же, как и сторонники правительства, считают положение критическим.

Ожидается присылка пулеметов, для приобретения новых послана была в Австрию особая комиссия. Друзья и сторонники Эссада желали бы активных с его стороны действий до полочки этого боевого груза.

Вследствие политического раскола и царящего тревожного положения, вокруг резиденции президента приняты строгие меры охраны²³.

Российские призывы к сдержанности оказали определенное влияние на настроения в Белграде, однако не заставили правительство пересмотреть свои приоритеты в отношении Албании. На экстренном заседании Совета министров Сербии было принято решение о частичном отводе сербских войск с албанской территории (в том числе и из Ороши), с сохранением, однако, позиций, преграждавших албанцам доступ на сербскую территорию, вплоть до нормализации положения внутри Албании. По окончании заседания Спалайкович встретился с Штрандтманом (информация о данной беседе была немедленно сообщена российским поверенным в делах в Санкт-Петербург секретной телеграммой от 12 сентября) и на замечание последнего о возможности для Сербии защитить свои границы путем перевода войск на позиции, находящиеся на сербской территории вдоль намеченной сербо-албанской пограничной линии, возразил, что «ключи проходов, ведущих в Сербию, лежат в Албании», и что до «установления порядка в Албании сербское правительство не считает себя вправе оставить беззащитной эту границу, постоянно подвергающуюся нападениям и к тому же Комиссией (по разграничению – П.И.) окончательно еще не установленную»²⁴. Он также заявил о том, что подобный же ответ сербское правительство намеревается дать и на новое коллективное представление

великих держав, представители которых в Белграде уже получили от своих правительств соответствующие инструкции²⁵.

Однако после дополнительных консультаций с итальянским поверенным в делах, убедившись в реальности возникновения серьезных осложнений в случае отказа Сербии считаться с требованиями европейского сообщества, Спалайкович признал желательность для своей страны полного освобождения албанской территории и пообещал вновь обсудить этот вопрос на заседании Совета министров. После указанного обсуждения Пашич обратился к Штрандтману с просьбой довести до сведения министерства иностранных дел России следующее заявление кабинета (что было сделано российским поверенным в делах в секретной телеграмме от 15 сентября 1913 г.): «Сербское правительство, желая, в согласии с дружественными указаниями России, избежать нареkania со стороны держав, выражает готовность отозвать свои войска из Албании, в каком-то смысле завтра будут отданы соответствующие приказания. Вместе с тем оно однако не может еще раз не отметить то состояние анархии, которое ныне царит в Албании и следствием коего, по всей вероятности, явится возникновение новых беспорядков с уходом сербских войск, а равно вынуждено предвидеть необходимость для последних, в видах обеспечения сербской окраины от нападений, принимать и в будущем обусловливаемые обстоятельствами меры. Поэтому сербское правительство искренне надеется, что к водворению в Албании надежных административных и полицейских властей будет приступлено возможно скоро, ибо до осуществления этого условия ему крайне трудно совмещать обязанности по охране жизни и имущества своих подданных с желанием строго уважать пограничную линию, пока еще только намеченную»²⁶.

Неудивительно, что в подобных условиях в Сербии усилились антиавстрийские настроения. Вену обвиняли (и не без оснований) во всемерной поддержке албанцев. К тому же в правящих сербских кругах действительно существовали представления о грядущем крахе Австро-Венгрии. На них особо указал посетивший в июле–августе 1913 г. все югославянские области монархии Габсбургов представитель Санкт-Петербургского телеграфного агентства В. Сватковский. По его словам, рассуждения активистов югославянского освободительного движения строились следующим образом.

Распад Австро-Венгрии при первом же серьезном вооруженном столкновении является предопределенным. Тем не менее, данного столкновения следует попытаться избежать в течение ближайших шести-семи лет, чтобы Сербия могла спокойно урегулировать свои внутренние проблемы и качественно укрепить армию (на необходимость чего неоднократно указывал и глава сербского кабинета Н. Пашич). В военных действиях против Турции и Болгарии в ходе Балканских войн принимала участие преимущественно сербская молодежь; на борьбу же против Австро-Венгрии

поднимутся самые широкие народные массы, причем, не только самой Сербии, но и всех югославянских областей монархии Габсбургов. Кроме того, на стороне Сербии выступают представители других славянских народов, в частности, чехи. Этим силам Австро-Венгрия сможет противопоставить немцев, венгров и поляков. Но первые два народа составляют далеко не самую боеспособную часть австро-венгерской армии, а что касается поляков, то они занимают второе место после хорватов по числу дезертиров и уклонившихся от исполнения воинской повинности (за предыдущие 12 лет – то есть с начала XX века – полмиллиона поляков эмигрировали в Америку). Таким образом, по мнению идеологов югославянского движения, ожидаемая война должна закончиться полным поражением и как следствие этого – расчленением Монархии. В результате раздела, по их оценкам, к России отойдут Галиция, Карпаты и часть Венгрии до Дуная включительно, вместе с частью Будапешта (Пешт). Другая часть Будапешта (Буда) отойдет к Сербии, вместе со всей южной и западной Венгрией, а также югославянскими землями Австро-Венгрии вплоть до середины Штирии и Каринтии на севере. Чешские земли (Чехия, Моравия и Силезия) должны будут объединиться с единоплеменными словацкими землями Северной Венгрии, образовав единое государство северо-западных славян с населением в 11 миллионов человек. Что же касается поляков, то они, независимо от области проживания – как галицкие и силезские, так и познанские – должны непременно войти в состав России, «ибо Россия наконец поймет же, что русско-польский вопрос может быть так или иначе разрешен только при условии объединения всех польских земель под русской властью и отсутствия заграничной ирреденты, подобно тому, как малорусский, или украинский, вопрос не разрастется до опасных размеров только при присоединении Восточной Галиции, Северной Буковины и Угарской Руси к России»²⁷.

Другие области Австро-Венгрии окажутся в результате поделенными между Румынией, которой достанется Трансильвания и Южная Буковина, Францией (она получит Эльзас и Лотарингию) и Данией, к которой будут присоединены Шлезвиг и Гольштиния. Что же касается земель с собственно немецким населением, а именно Нижней и Верхней Австрии, Зальцбургской области, северной части Штирии, Каринтии и Тироля, то они могут объединиться с южногерманскими и западногерманскими территориями в «особую католическую Германию в противовес разбитой и приуменьшенной со всех сторон протестантской Германии»²⁸.

Не добавляли Вене уверенности и распространившиеся в Австро-Венгрии после завершения Балканских войн слухи о формировании югославянской молодежью особого «легиона смерти», члены которого готовились осуществить целый ряд покушений, а также взрывов арсеналов, мостов, железнодорожных путей и других стратегически важных объектов в

случае начала австро-сербской войны. Косвенное подтверждение данных слухов давалось в том числе и депутатами парламента. При этом район предполагаемых акций не ограничивался югославянскими областями, а включал в себя и крупные центры в других районах страны, в том числе и Вену. Основным лозунгом, под которым объединялись югославянские группировки, являлось провозглашение Великого Сербского королевства с границами от Адриатического моря до Будапешта²⁹.

Что касается общей ситуации в Австро-Венгрии в конце 1913 – начале 1914 гг., то как начавшееся оживление экономической и финансовой жизни страны, так и в целом спокойный тон публикаций в местной прессе свидетельствовали о наступлении определенной стабилизации во внутриполитической жизни Монархии. По сообщениям российских дипломатических представителей и информационных служб, несмотря на военные маневры вокруг Сараево, а также военные приготовления в Галиции, общественное мнение страны и биржа, всегда хорошо осведомленная и чутко реагирующая на любое изменение обстановки, оставались спокойными³⁰.

Тем не менее, как в правительственных сферах, так и в самом обществе преобладали серьезные сомнения в длительности и прочности нынешнего внешнеполитического положения государства. Разногласия в этой связи касались, главным образом, сроков наступления будущих осложнений: от весны 1914 г. до ближайших пяти-шести лет. Представитель Санкт-Петербургского телеграфного агентства отмечал, что «все верят в новые грядущие осложнения на Ближнем Востоке и неминуемое вовлечение ими Австро-Венгрии рано или поздно в войну на один, два или три фронта»³¹.

В этой связи представляется интересным мнение ряда чешских депутатов-аграриев, а также лидера чешских национальных социалистов Клофача, которые, объясняя проводимую ими политику обструкции в парламенте, отмечали, что, хотя указанные действия и не преследовали каких-либо конкретных целей, тем не менее, они осуществлялись на основании убеждения в том, что «ввиду неизбежной в будущем войны, спокойная парламентская работа даже в лучшем случае не может дать чешскому народу прочных выгод. Для чехов после их глубокой деморализации поражениями России на Дальнем Востоке и русской революцией необходимо поддержание духовного подъема, вызванного балканскими событиями... Чехов надо-де приучить к мысли, что им нечего ждать от этого парламента и от самого государства, что все надежды на будущие внешние события»³². Еще в большей степени подобными убеждениями были проникнуты депутаты от югославянских земель³³.

В самой Сербии в связи с обострением ситуации на сербо-албанской границе значительная часть общественного мнения и политических кругов призвали правительство предпринять самые решительные меры против

албанцев. Это привело к возникновению серьезного внутривластного кризиса. Оппозиционные депутаты в скупщине потребовали от кабинета Н.Пашича представить всесторонний отчет о своей деятельности и наказать тех должностных лиц, по вине которых безопасность государства была поставлена под угрозу. Реальная возможность отставки нависла над военным министром Божановичем и министром финансов Пачу, не пожелавшим в свое время ассигновать необходимые кредиты на содержание дополнительных воинских контингентов в южных областях Сербии. Правительство нашло, однако, возможность возложить всю ответственность за кризис на бывшего ближайшего помощника главнокомандующего сербской армией воеводы Р. Путника генерала Ж. Мишича, подготовившего, по мнению правительственных кругов, непродуманный план размещения сербских гарнизонов вдоль сербо-албанской границы, имевшей протяженность около 500 км³⁴. Король Петр издал указ о его увольнении, что, в свою очередь, вызвало новую волну протестов и нападок на кабинет Пашича, положение которого, в свете предстоящего открытия заседаний скупщины и готовившихся оппозиционными партиями целого ряда запросов по вопросам внутренней и внешней политики, потеряло прежнюю устойчивость³⁵.

В сербском правительстве существовали два взгляда на стоящие перед страной насущные задачи. С одной стороны, присуществовало понимание необходимости использовать мирную передышку, наступившую после двух Балканских войн, для того, чтобы организовать административное управление, судебные власти, пограничную и иные службы в присоединенных к Сербии областях, а с другой стороны, - и этот взгляд превалировал, - среди членов правительства существовало твердое убеждение в том, что «Австро-Венгрия и Италия не дадут порядку водвориться в Албании, и что, следовательно, необходимо теперь же добиваться исправления установленной на Лондонской конференции послов, невыгодной для Сербии в стратегическом и экономическом отношениях, границы»³⁶.

Тем временем, итальянский поверенный в делах в Сербии, по поручению маркиза А. ди Сан-Джулиано, передал сербскому правительству еще одно настоятельное указание итальянского кабинета соблюдать крайнюю осмотрительность в албанских делах, ибо военная партия в Австро-Венгрии оказывает энергичное давление на свое правительство с целью побудить его предпринять решительные действия против Сербии. В ответ Спалайкович отметил, что Сербия вынуждена предпринимать решительные действия ввиду угрожающей ей со стороны Албании опасности, и добавил, что отношение Австро-Венгрии к этому вопросу ему безразлично, ибо венское правительство, по его мнению, не решится на активные выступления. Одновременно сербское правительство получило аналогичные советы и от Германии. Германский канцлер Т.Бетман-Гольвег заявил сербскому поверенному в делах в Берлине, что Австро-Венгрия ищет удобный

повод для вмешательства в балканские дела, и что Россия в данных условиях не окажет поддержку сербским устремлениям³⁷.

Жаркие дискуссии развернулись в Сербии и после предъявлений Белграду Австро-Венгрией ультиматума с требованием вывести войска за пределы установленной международным сообществом сербо-албанской пограничной линии. Наряду с осуждением действий Австро-Венгрии, в печати и среди политиков появились обвинения главы сербского кабинета в малодушии, ибо, по их мнению, австро-венгерское правительство никогда бы не осмелилось претворить свои угрозы в жизнь.³⁸ Однако в итоге возобладала более умеренная позиция умудренного опытом сербского премьера Пашича, прислушавшегося к советам со стороны России.

В конце октября 1913 г. в Белград стали поступать сведения о готовящемся новом вторжении на территорию Сербии албанских отрядов, на сей раз по направлению к Призрену и Джяковице, причем, по данным сербского правительства, в этих приготовлениях вновь принимали участие австро-венгерские представители, доставлявшие албанцам оружие и боеприпасы³⁹.

Принимая во внимание эту информацию, правительство Пашича приняло решение увеличить численность пограничных гарнизонов в указанных областях, а также обратилось к дипломатическим представителям великих держав с заявлением, что оно намерено дать самый решительный отпор в случае перехода албанцами сербо-албанской границы. Однако до серьезного вооруженного столкновения дело так и не дошло. По свидетельству военного министра Сербии, албанские отряды, предварительно занявшие позиции на албанском берегу Черного Дрина, после незначительной перестрелки с сербским пограничным постом у села Джеликушта отошли в глубь албанской территории⁴⁰.

На заседании Контрольной комиссии 5 декабря 1913 г. по просьбе сербского правительства был поднят вопрос о сосредоточении албанцев в районе Дебара и Люмы. В результате обсуждения было принято решение обратиться по этому поводу с запросом к правителям Дурреса и Эльбасана. Одновременно члены Комиссии выразили мнение, что опасения сербской стороны являются преувеличенными, ибо после недавних ожесточенных боев албанцы вряд ли предпримут новое наступление⁴¹.

Однако ситуация от этого в самой Албании не становилась стабильнее. Красноречивая констатация содержалась в секретной телеграмме Петряева в Санкт-Петербург от 10 декабря 1913 г. касательно возможных способов формирования местных органов обеспечения правопорядка. Российский комиссар в международной Контрольной комиссии был категорически против того, чтобы «поручить устройство милиции местным муниципалитетам, состав коих, из находящихся во вражде элементов, лишь только увеличил бы опасность кровавых столкновений»⁴². Он сообщал, что «вчера и се-

годня комиссия совещалась с вернувшимися из поездки по Албании голландскими офицерами. По мнению их, теперешнее анархическое состояние Албании делает неотложной организацию жандармерии, которая могла бы быть образована в Валлоне и Скутари, как только будут даны средства. Они высказали также мысль о возможности образовать теперь же в виде первого опыта жандармский отряд для посылки на юг Албании. В этом смысле комиссией сформулировано тождественное предложение... Измаил Кемаль Бей сочувствует этой мере и готов помочь людьми и оружием»⁴³.

В середине декабря 1913 г. Эсад-паша сообщил Контрольной комиссии, что нет никаких оснований опасаться нападения албанцев на сербские гарнизоны в районе Дебара и Люмы, где в данное время ведет свою работу направленная им лично специальная комиссия для организации в указанных областях гражданской администрации⁴⁴.

Тем не менее, сербо-албанские отношения продолжали оставаться напряженными. Находившиеся в окрестностях Шкодера албанцы – уроженцы областей, отошедших к Сербии, отказывались возвращаться на родину без получения гарантий безопасности со стороны сербского правительства. В связи с этим Австро-Венгрия и Италия решили обратиться к кабинету Пашича с официальным представлением о необходимости обеспечения свободного доступа албанского населения на места его постоянного проживания на основании постановлений Лондонского совещания, которые предусматривали доступ албанцев на рынки Дебара и Дзяковицы, а также равное положение албанцев с представителями других народов с точки зрения их гражданских прав. Это требование было также поддержано российским правительством с оговоркой, что албанцы, находящиеся на сербской территории, должны подчиняться законодательным положениям, установленным сербским правительством⁴⁵.

В соответствии с указаниями российского министерства иностранных дел, Гартвиг имел специальную беседу с Пашичем, в ходе которой обратил внимание главы сербского кабинета на необходимость создания благоприятных условий для беспрепятственного возвращения албанских беженцев на свою родину. Со своей стороны, Пашич подчеркнул, что «сербское правительство не только не препятствует, а напротив оказывает всяческое облегчение возвращению иноплеменным уроженцам земель, отошедших к Сербии, при условии, конечно, подчинения их установленным законоположениям, приравнивающим всех к коренным сербам»⁴⁶. Тем не менее, председатель Совета министров сообщил, что его правительство, в соответствии с указаниями России и в предупреждение возможного официального представления Австро-Венгрии, не замедлит подтвердить посредством телеграфных сообщений манифест короля Сербии о всеобщей амнистии, с изъятием, правда, «лиц, совершивших уголовные преступления,

и известных главарей, продолжающих поджигать албанцев к восстанию, как Болетинац, Риза-бей и другие»⁴⁷.

Но даже и в эти месяцы второй половины 1913 – первой половины 1914 гг. власти Сербии не оставляли попыток установить взаимовыгодные контакты с отдельными влиятельными албанскими лидерами в интересах стабилизации обстановки и встречали позитивный отклик со стороны последних. Назначенный сербским консулом в Дуррес Симич в беседе с российским делегатом в Международной контрольной комиссии А.М. Петряевым весьма деликатно сообщил последнему 17 декабря 1913 г., что он «имеет доверительное поручение вступить с Эсад-Пашой в переговоры по вопросам, интересующим Сербию и Албанию»⁴⁸.

В этой связи представляет определенный интерес депеша Гартвига, отправленная за месяц до его вышеуказанной беседы с Пашичем, 4 ноября 1913 г., в которой, со ссылкой на только что полученные сербским правительством сведения говорилось о том, что «двое из наиболее выдающихся албанских главарей – Иса Болетинац и Риза-бей – заявили королевским пограничным властям, что они горят желанием жить в мире и согласии с сербами, к которым албанский народ питает доверие», объясняя недавнее албанское восстание подстрекательской деятельностью эмиссаров Австро-Венгрии, «лживым обещаниям которой они больше не поддадутся»⁴⁹.

В этой связи стоит напомнить и о предложениях А.М. Петряева касательно тех мер, которые правительство Сербии должно было, по его мнению, предпринять в целях обеспечения защиты своей территории от новых албанских вторжений. После получения информации о данных предложениях, российский посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг имел по этому поводу объяснение с Н. Пашичем, который заявил, что «сербское правительство по опыту убедилось, что материальная помощь албанцам, к сожалению, редко удерживает их от предательской измены в удобную для них минуту, и не раз обращали они полученное от сербов оружие против славянского населения»⁵⁰. Тем не менее, продолжал Пашич, некоторые албанские племена в последнее время проявляют стремление установить добрососедские отношения с сербским населением; вследствие чего местные сербские власти уже распорядились о выдаче денежных пособий отдельным влиятельным байрактарам (военным и политическим лидерам на местах). Однако, заключил глава кабинета, сербское правительство все же полагает, что пограничные волнения и столкновения едва ли прекратятся без установления в Албании администрации и международной жандармерии⁵¹.

Тем не менее, 17 декабря 1913 г. назначенный сербским консулом в Дурресе Симич прибыл к месту несения дипломатической службы, имея доверительное поручение Пашича вступить в непосредственные переговоры с Эсад-пашой по вопросам, представляющим взаимный интерес. Одно-

временно при правительстве Исмаила Кемали во Влере должен был получить аккредитацию прибывающий в этот город через несколько дней генеральный консул Сербии Гаврилович⁵². Таким образом, Белград стремился установить рабочие отношения с двумя главными и непримиримыми противниками на албанской сцене.

Однако накануне прибытия Симича в качестве консульского представителя в Дуррес Эссад-паша – после консультации с австро-венгерским консулом – издал специальное постановление о том, что все подданные балканских государств должны покинуть управляемую им территорию. Посетившему его Симичу Эссад-паша предложил подчиниться данному распоряжению, категорически заявив, что в случае отказа он не ручается за личную безопасность сербского представителя; после чего Симичу не осталось ничего другого, кроме как спешно покинуть Дуррес. По данным российского комиссара в Албании, такая позиция Эссад-паши, являвшегося фактически верховным правителем Дурреса, объяснялась тем обстоятельством, что он регулярно получал советы и инструкции от венского кабинета через находившегося в данном городе австро-венгерского консула, заручившись предварительно обещанием, что Дуррес станет местом пребывания нового албанского князя (против прибытия которого он и его сторонники, как говорилось выше, активно апеллировали к Белграду). Для Эссад-паши австрийская поддержка имела особое значение в условиях его продолжавшегося соперничества с главой центрального албанского правительства Исмаила Кемали, штаб-квартира которого находилась во Влере.

Однако, не желая, вместе с тем, обострения своих в целом позитивных отношений с белградским правительством (с которым он продолжал вести тайные переговоры через специально командированных агентов), Эссад-паша за несколько часов до отъезда сербского представителя направил к нему свое доверенное лицо выразить сожаление по поводу случившегося и подчеркнуть, что данная мера, не носящая враждебного по отношению к Сербии характера, была вызвана объективными и не зависящими от самого албанского лидера обстоятельствами.

Разумеется, понятно, что председатель центрального албанского правительства во Влере, узнав о последних действиях своего политического соперника, настоял на скорейшем приезде в город Гавриловича, назначенного сербским правительством генеральным консулом. По прибытии во Влеру сербский дипломат был тепло встречен самим Исмаилом Кемали, выразившим свое удовлетворение тем фактом, что Гаврилович вручил ему верительное письмо за подписью Пашича, в чем он усмотрел столь важное для него косвенное признание своего правительства иностранной державой⁵³.

Такова лишь часть конкретной истории тех действительно напряженных месяцев осени–зимы 1913–1914 гг. в отношениях Сербии, Австро-Венгрии и албанцев, которые сегодня на Западе принято трактовать как проявление сербского национализма, шовинизма и гегемонизма. Как видим, подобные оценки не соответствуют ни элементарному здравому смыслу, ни, главное, историческим документам. Они отвечают лишь современным геополитическим установкам тех американских и западноевропейских политиков и экспертов, кто стремится к новой перекройке Балкан, Европы и всего евразийского пространства в ущерб, в том числе, России и славянам.

Примечания

¹ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschland 1914/1918. Dusseldorf, 1962. S. 792.

² Машкин М.Н. Колониальные цели кайзеровской Германии в 1918 г. // Вестник Московского Государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2012. № 5. С. 51.

³ Подробнее см.: Clark Ch. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. Harper, 2013.

⁴ Имелась в виду, в частности, статья XXXV, гласившая следующее: «В Сербии различие в религиозных верованиях и исповеданиях не может послужить поводом к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до пользования правами гражданскими и политическими, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям или до отправления различных свободных занятий и ремесел, в какой бы то ни было местности.

Свобода и внешнее отправление всякого богослужения обеспечиваются как за всеми сербскими уроженцами, так и за иностранцами, и никакие стеснения не могут быть делаемы в иерархическом устройстве различных религиозных общин и в сношениях их с их духовными главами» // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 197.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее - АВПРИ). Ф.Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 3.

⁶ Сборник договоров России с другими государствами... С. 192.

⁷ Там же. С. 197.

⁸ АВПРИ. Ф.Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 315, 317.

⁹ АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 337.

¹⁰ Уредба о уређењу ослобођених области. Београд, 1913. С. 25.

¹¹ Ibid. С. 27.

¹² Ibid. С. 28.

¹³ АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 355.

¹⁴ АВПРИ. Ф.Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 334; Там же. Д. 530. Л. 164.

¹⁵ Там же. Д. 530. Л. 165.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 75. Л. 157.

¹⁷ Документи о спољној политици Краљевине Србије. Т. VI. Св. 3. Београд, 1986. С. 294–295.

¹⁸ АВПРИ. Ф.Политархив. Оп. 482. Д. 332. Л. 129.

¹⁹ Исмаил Кемали – один из лидеров албанского национально-освободительного движения, глава первого правительства Албании, сформированного в ноябре 1912 г.

²⁰ Правительство, сформированное на Всеалбанском конгрессе во Влере 28 ноября 1912 г.

²¹ Эссад-паша Топтани – один из лидеров албанского движения начала XX в.

- ²² Британский адмирал, командующий международной эскадрой у берегов Албании.
- ²³ Там же. Л. 130–131.
- ²⁴ Там же. Д. 531. Л. 340. Вопросы состава, принципов и сроков деятельности Международной комиссии по определению северной и северо-восточной границ Албании активно дебатировались на Лондонском совещании послов еще в начале 1913 г. При этом, пожалуй, ключевую роль играл временной фактор. Как признавался в беседе с российским посланником в Белграде Пашич, «в виду топографического характера местностей работы комиссии могут затянуться на многие месяцы, в течение коих Сербии пришлось бы содержать свою армию на местах в настоящем боевом положении; а это неминуемо повлекло бы громадные расходы и сильное недовольство в войсках со всеми последствиями внутренних неурядиц». – АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 11. В итоге непосредственные работы на местности начались в октябре 1913 г. В состав комиссии входили шесть делегатов – по одному от каждой из великих держав, а также необходимый для осуществления конкретных работ на местности персонал, в первую очередь, геодезисты и топографы, и корпус вооруженной охраны. В силу существовавших между членами Комиссии разногласий по вопросам определения государственной принадлежности тех или иных территорий и толкования соответствующих решений Лондонской конференции, а также из-за наступивших в горах неблагоприятных погодных условий, сделавших практически невозможными какие-либо изыскания в указанных областях, работы по окончательному определению сербо-албанской границы не были завершены, и в начале декабря 1913 г. члены Комиссии прекратили работы по разграничению – Подробнее см.: АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530, 531.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 340.
- ²⁶ Там же. Л. 343.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 278. Л. 2.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Л. 1.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3392. Л. 66, 70.
- ³¹ Там же. Л. 70.
- ³² Там же. Л. 70–71.
- ³³ Там же. Л. 71.
- ³⁴ Там же. Д. 530. Л. 171, 180а.
- ³⁵ Там же. Л. 163.
- ³⁶ Там же. Д. 531. Л. 350.
- ³⁷ Там же. Л. 352.
- ³⁸ Там же. Д. 530. Л. 185.
- ³⁹ Там же. Л. 189; Д. 531. Л. 386.
- ⁴⁰ Там же. Д. 530. Л. 189.
- ⁴¹ Там же. Д. 2908. Л. 29.
- ⁴² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 19. Л. 42.
- ⁴³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2105. Л. 188.
- ⁴⁴ Там же. Д. 2908. Л. 37.
- ⁴⁵ Там же. Д. 531. Л. 428.
- ⁴⁶ Там же. Л. 430.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 19. Л. 49.
- ⁴⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 189–190.
- ⁵⁰ Там же. Д. 531. Л. 432.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. Д. 2908. Л. 53.
- ⁵³ Там же. Л. 57.